

Михаил Сергеев

История информации — по хронологии, темам и алфавиту

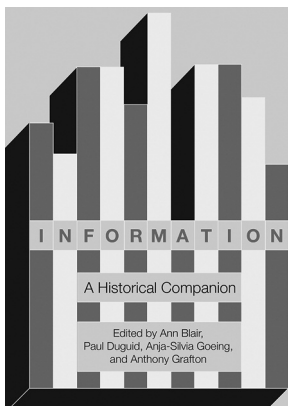
DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_329

Information: A Historical Companion /

Ed. by A. Blair, P. Duguid, A.-S. Goeing, A. Grafton.

Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2021. — XX, 881 p.

С одной стороны, мы уже вполне определенно смогли осознать обратную сторону комфорта, создаваемого электронной почтой и электронным документооборотом, видео- и аудиофиксацией повседневной жизни, сбором персональных данных пользователей в приложениях и социальных сетях: повсеместное использование бесконтактных, доступных и адаптирующихся к пользователям электронных сервисов предполагает столь же тотальный и вполне ощутимый контроль за каждым индивидом. С другой стороны, доступность информации, которую вроде бы должны обеспечивать развитие онлайн-библиотек, оцифровка печатных изданий и архивов, оказалась сильно зависящей от экономических и политических ограничений. Более того, широкое использование подобных сервисов и безоговорочное доверие к ним, отказ от дублирования информации на носителях прошлого века значительно увеличили вероятность случайной или преднамеренной утраты данных, применения цензуры и манипуляции общественным сознанием.

Некоторые из этих проблем рассматриваются в последней главе издания «Информация: исторический путеводитель», посвященной вопросам поиска информации. Ее автор, профессор Орегонского университета *Дэниэл Розенберг*, подробно прослеживает истоки и эволюцию поисковой системы Google, а также концептуальные и практические трудности в развитии библиотеки Google Books. Среди далеких предшественников проектов Google он называет, с одной стороны, указатели и конкордансы (в первую очередь — к Священному Писанию), появившиеся в Средние века и получившие развитие в раннее Новое время; с другой — «Энциклопедию» Дидро и Даламбера и образ книги из футурологического сочинения

Л.-С. Мерсье «Год 2440», отразившие характерное для своей эпохи стремление преодолеть информационную «перегрузку» и по-новому представить весь объем полезного знания¹. Кроме того, немалую роль в создании алгоритма Google, по-видимому, сыграли принципы цитирования и использования библиографических ссылок, имеющие долгую историю развития в европейской книжной традиции².

1 См. подробнее: *Yeo R. Encyclopaedic Visions: Scientific Dictionaries and Enlightenment Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

2 Ср.: *Grafton A. The Footnote: A Curious History*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.

Будучи, по сути, воплощением многовековых мечтаний об универсальной (всеобщей) библиотеке, проект Google Books, как отмечает Розенберг, поставлен на удивительно слабое библиографическое основание. Несмотря на многочисленные проблемы и лакуны в современной библиографии, в ней все же были выработаны общепринятые и понятные стандарты описания изданий и составления каталогов³. Между тем для десятков миллионов книг, копии которых (как утверждается) представлены в сервисе, не предложено ни единой формы описания, ни открытого каталога, который бы обеспечивал пользователей привычными инструментами, специфичными для библиографического (а не полнотекстового) поиска. Впрочем, следует заметить, что библиография европейских изданий XVI—XVIII вв. (в сравнении с библиографией инкунабулов⁴) до сих пор неполна и ненадежна, и можно предположить, что во многих случаях скорость оцифровки заметно опережает скорость изучения источников, что ставит под вопрос осуществимость проекта в полном объеме. Две другие крупнейшие проблемы в работе Google Books, названные Розенбергом, связаны с ограничениями на распространение информации, которые накладывают претензии правообладателей, и с трудностями распознавания старопечатных текстов, которые, в частности, ограничивают применение Google Books для корпусного анализа.

Наше погружение in medias res обусловлено не только злободневностью сюжетов, представленных в книге. В известной мере фокус рецензии задан самой логикой построения путеводителя: именно в последних, 12-й и 13-й, главах рассматривается понятие информации в его становлении, тогда как большая часть предшествующих глав посвящены скорее отдельным (пусть и крупным) проблемам, свойственным тем или иным периодам истории информации («Сети и связность мира в XVI в.», «Периодика и коммерциализация информации в раннее Новое время», «Документы, империи и капитализм в XIX в.», «Медиатехнологии XIX в.» и т.д.). Впрочем, не удивительно, что задача синтеза решается исследователями современной, так называемой информационной, эпохи, ключевой характеристикой которой стали информационные технологии.

Итак, в главе 12, озаглавленной «Коммуникация, вычисления и информация», Пол Дугвид (Калифорнийский университет) показывает, что не только для понимания принципов работы современных вычислительных и коммуникационных устройств, но и для оценки применения информационных технологий в различных сферах жизни (например, в образовании) чрезвычайно важно анализировать структуру понятия «информация», его многозначность и многоуровневость. В частности, при описании процесса коммуникации, то есть передачи информации, должны различаться уровни передаваемого и получаемого сообщения, передаваемого и получаемого сигнала, канала передачи, в то время как в непрофессиональной речи информацией называются как объективные и автономные данные, так и субъективные и контекстно обусловленные.

С другой стороны, существенную роль в истории информации сыграло не только вычленение этих уровней, но и изучение возможности взаимодействия между ними. Для XX в. Дугвид рассматривает историю вычислительных машин и развитие у термина «информация» технического значения, которое релятивизировало

3 См. классическую работу: Симон К.Р. История иностранной библиографии. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1963. В рецензируемой книге истории каталогов посвящен очерк Пола Неллеса (Карлтонский университет).

4 См. базу данных «Gesamtkatalog der Wiegendrucke» (<https://www.gesamtkatalogder-wiegendrucke.de/>), а также «Incunabula Short Title Catalogue» Британской библиотеки (https://data.cerl.org/istc/_search).

его устойчивую ассоциацию с человеческим общением⁵. Важную роль в этом развитии сыграли проекты институтов и устройств, призванных хранить, организовывать и делать доступным растущий объем научного знания, такие как Mundaneum Поля Отле. Запись данных на карточках и обмен ими создавали образ атомизированного знания, исчисляемых и передаваемых единиц информации. Несколько десятилетий спустя эта идея была использована в так называемой коммутации пакетов (packet-switching), в которой передаваемые данные (сообщение) разбиваются на небольшие части для передачи. По мере того как компьютер становился не только вычислительным, но и коммуникационным устройством, все три идеи — коммуникации, вычислений и информации — начали рассматриваться в единстве.

Теоретизирующий взгляд Дугвида, как и (предварительные) итоги проекта «универсальной библиотеки», подведенные Розенбергом, оказываются полезны для прочтения предшествующих глав, посвященных информации в Европе раннего Нового времени. Этой эпохе уделено заметное внимание: именно ей в значительной степени посвящены не только главы 4–7, но и многие из очерков, составляющих вторую часть книги: «Выдержки», «Подделки», «Письма», «Карты», «Записные книжки», «Печатная иллюстрация» и др. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что трое из четырех составителей тома — Энн Блэр (Гарвардский университет), Аня-Сильвия Геинг (Цюрихский университет) и Энтони Графтон (Принстонский университет) — специализируются на вопросах истории книги, науки и образования в XV–XVIII вв. Следует отметить, что им удалось в высшей степени удачно обратить собственную компетенцию на пользу справочника, не превратив при этом предмет собственных исследований в центр *истории*.

Как показывает глава 4, написанная Энн Блэр и посвященная в целом информации в Европе раннего Нового времени, центральные проблемы этой эпохи очень схожи с теми, что встали перед человечеством в XX–XXI в.: 1) использование нового носителя информации (печатной книги) и его влияние на распространение данных и практики чтения; сюда же относится деятельность контролирующих институтов, развитие которых было ответом на массовое распространение информации в печатной форме; 2) управление растущим объемом информации (связанным, в частности, с географическими открытиями, историческими и естественнонаучными разысканиями в Европе, изучением древних и новых языков) посредством развития или создания новых практик, институтов и жанров, таких как коллекционирование и музеи; классификации; каталоги, словари, справочники; 3) развитие коммуникаций и обмен информацией (технологические и социальные аспекты).

Последняя тема подробнее всего затрагивается в главе 5 («Сети и связность мира в XVI в.»), написанной Джоном-Полом Горбиалом (Оксфордский университет). Наряду с научной коммуникацией (к которой относятся переписка ученых, обмен натуралиями и рукописями, составление анкет для путешественников и т.п.) здесь рассматриваются торговый обмен, миссионерская деятельность и распространение новостей⁶. Полезно было бы исследовать, какие из перечисленных выше вопросов — об уровнях информации, о различиях между сообщением и знанием,

5 Первоначальным значением англ. *information* было 'образование, наставление' (от лат. *informatio* < *informare* 'обучать, воспитывать'; букв. 'придавать форму'), отсюда 'полученное знание, сообщение'. Без отсылки к человеческой коммуникации термин стал употребляться лишь начиная с 1930-х гг. См.: The Oxford English Dictionary: In 20 vols. / Ed. by J. Simpson, E. Weiner. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1989. Vol. VII. P. 944.

6 См.: Петтигери Э. Изобретение новостей: как мир узнал о самом себе. М.: АСТ, 2021.

о проблемах передачи и обработки данных и т.д. — ставились участниками и теоретиками информационной деятельности XVI в. и как их решения могли отразиться в важнейших энциклопедических проектах того времени и деятельности *respublica literaria*. Можно предположить, что нововведения в филологической критике, инструментарии информационного поиска, организации научного текста свидетельствуют об осмыслении этих вопросов, даже когда оно не находило эксплицитного теоретического выражения⁷.

За первой, «хронологической» частью, состоящей из тринадцати глав и предусматривающей внутри отдельных эпох дополнительное разделение материала по темам, следует вдвое большая по объему вторая, «алфавитная» часть, включающая в себя 101 статью — от «Бухгалтерского дела» («Accounting») до «Ксилографии» («Xylography»); работали над ними более ста авторов, преимущественно из американских и английских университетов. История информации, отраженная в главах путеводителя, охватывает приблизительно две тысячи лет — от Римской империи до новейшей цифровой эпохи. Основной акцент сделан на истории информации в европейских государствах и их бывших колониях, но есть и разделы, посвященные Ближнему и Дальнему Востоку.

Как следует из заглавия, книга принадлежит к популярному в англоязычной академической литературе жанру «companion». По-русски это скорее не «справочник», а «путеводитель»; такой перевод подчеркивает вспомогательную, но не дидактическую направленность издания и вместе с тем отсутствие требования полноты к изложению материала, что компенсируется научной актуальностью рассматриваемых тем и подходов. Действительно, ни объемные статьи в хронологическом разделе, ни расположенные по алфавиту очерки не претендуют на энциклопедическую полноту и формальное единообразие⁸. Напротив, в них всякий раз высвечивается нечто интересное, проблематичное для определенной эпохи или области исследований, отмечаются нововведения и тренды, специфичные для того или иного периода, разбираются показательные и увлекательные кейсы, а ранее освоенные или периферийные явления оставляются за кадром. Так, авторы глав о XIX — начале XX в., — периоде, когда прорывными направлениями стали новые технологии передачи информации (телеграф, телефон), новостные периодические издания и в целом средства массовой информации, — не останавливаются подробно на обмене информацией в научной среде (в отличие от авторов, пишущих о раннем Новом времени, когда коммуникация внутри «республики ученых» представляла собой новое явление и открывала новые перспективы в истории знаний). Точно так же, если обратить внимание на проблематику предшествующего периода, пергамент и рукописные документы интересуют авторов путеводителя меньше, чем бумага и печатная книга, которые представляли собой технологические и культурные новации в рассматриваемую эпоху.

Неполнота и, как следствие, определенная непредсказуемость характерна и для «алфавитного» раздела. Например, среди работников книжного дела отмечены корректоры и писцы, но нет отдельного очерка об издателях; специальная статья посвящена гравюрам, но нет аналогичной статьи о рукописной иллюстрации; тема макета страницы освещается почему-то лишь применительно к письмам и только на японском и корейском материале (отдельная статья «Письма», напи-

7 Ср.: Сергеев М.Л. Филология гуманистов и ее влияние на развитие наук в раннее Новое время // Логос. 2021. Т. 31. № 6. С. 35–67.

8 Более того, в книге нет единого определения информации — в противном случае не получилось бы собрать столь многочисленный коллектив и осветить все стороны информационной проблематики.

санная *Полом Ботли*, не затрагивает этого аспекта); и напротив, несмотря на наличие статей «Библиография» и «Библиотеки и каталоги», отдельного очерка удаются книготорговые каталоги... Вероятно, составители понимали, что не смогут удовлетворить все читательские ожидания и что пользователям путеводителя часто нелегко будет угадать, в какой из двух частей и под каким заголовком следует искать сведения об определенных темах, терминах и персоналиях. Предупреждая возможные затруднения и критику, они снабдили книгу изрядным количеством паратекстов — несколькими оглавлениями, указателем и словарем. Так, в начале тома дважды приведены заголовки статей, помещенных во второй части: сначала по алфавиту, а затем в тематическом порядке (выделены рубрики «Понятия», «Форматы», «Жанры», «Персоны», «Практики» и т.д.), что чрезвычайно полезно, если иметь в виду отмеченную выше избирательность. В конце книги имеются восьмистраничный словарь терминов и подробный указатель имен собственных, реалий и понятий.

Таким образом, к достоинствам книги следует отнести не только многообразие аспектов истории информации, отражающее направления и результаты исследований авторов, и увлекательность изложения, не ограничивающую глубину анализа. Сама структура путеводителя может считаться образцом управления информацией. Не исключено, что составители ориентировались на трехчастную структуру каталога библиотеки при цюрихском Гросмюнстере, разработанную Конрадом Пелликаном и легшую в основу знаменитой библиографической энциклопедии «*Bibliotheca universalis*» (1545—1549) Конрада Гесснера, которая включала в себя алфавитный и систематический разделы, а также указатель ключевых слов⁹. Но по крайней мере в одном отношении рассмотренный путеводитель нельзя назвать образцовым трудом: за редкими исключениями (такими, как статьи немецкоязычных авторов *Гельмута Цедельмайера* и *Ани-Сильвии Геинг*) книга содержит лишь англоязычную библиографию. И по совпадению в книге не только нет специальной статьи о языках информации, но и соответствующие ключевые слова не находятся в указателе¹⁰.

9 См.: *Germann M.* Die reformierte Stiftsbibliothek am Großmünster Zürich im 16. Jahrhundert und die Anfänge der neuzeitlichen Bibliographie. Wiesbaden: Harrassowitz, 1994. S. 59—95.

10 Применительно к раннему Новому времени эта лакуна восполняется лекциями Питера Бёрка: *Burke P.* Languages and Communities in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; использование языков в России подробно рассмотрено в кн.: *Обффорд Д., Ржеуцкий В., Арджент Г.* Французский язык в России: социальная, политическая, культурная и литературная история. М.: Новое литературное обозрение, 2022.